

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

УДК 1:34:17(47)
ББК 87.3(2)522-608:X00

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК РЕЛИГИОЗНО-
НРАВСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА¹**

Е.А. ПРИБЫТКОВА

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Ленинградский проспект, д. 80Г, г. Москва, 125190, Российская Федерация
E-mail: e-pribytkova@yandex.ru

Рассматриваются философские идеи Ф.М. Достоевского о праве и их значение для русской философско-правовой традиции. Исследуются взаимосвязи правовых и нравственных ценностей в произведениях писателя, коллизии моральной и юридической аргументации в суде присяжных заседателей, а также представления Ф.М. Достоевского об этическом предназначении пенитенциарной системы и принятое им сопоставление государственно-правового союза и социального идеала. Реконструируются и анализируются основные идеи Ф.М. Достоевского, оказавшие существенное влияние на становление и развитие религиозно-нравственной философии права в России: утверждение генетического родства и внутреннего единства основополагающих принципов права и нравственности; критика легализованной деморализации права; рассмотрение права и государства в качестве необходимой переходной стадии на пути к социальному идеалу – подлинному братству или церкви; обоснование относительной эмансипации права от нравственности; а также излагаемая им философия уголовного права, проникнутая идеей христианского персонализма. Развивается тезис П.И. Новгородцева о том, что своим творчеством Ф.М. Достоевский заложил «глубочайшие основы русской философии права», и формулируется вывод о том, что писатель выступил родоначальником религиозно-нравственной философско-правовой традиции в России, унаследованной плеядой таких выдающихся мыслителей, как Вл. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой, А.С. Яценко, Е.В. Спекторский, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин.

Ключевые слова: философско-правовые идеи Ф.М. Достоевского, религиозно-нравственная философия права, право и нравственность, общество и государство, суд присяжных заседателей, пенитенциарная система.

¹ Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН по направлению «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», по теме «Правовая идея в русской культуре и общественной мысли в конце XIX – начале XX в.». Сокращенная версия статьи опубликована в кн.: Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи. М., 2013. С. 517–529.

F.M. DOSTOEVSKY AS THE FOUNDER OF AN ETHICAL AND RELIGIOUS TRADITION IN RUSSIAN LEGAL PHILOSOPHY

E.A. PRIBYTKOVA

Moscow University of Industry and Finance «Synergy»
80Г, Leningradsky Prospect, Moscow, 125190, Russian Federation
E-mail: e-pribytkova@yandex.ru

The author explores Fyodor Dostoevsky's philosophical ideas on law and their significance for the Russian legal and philosophical tradition. The article is devoted to the writer's views on the correlation between legal and moral values; the collision of moral and legal argumentation in trial by jury; the ethical purpose of the penal system; and his comparison between a rule-of-law state and the social ideal. The article reconstructs and analyzes Dostoevsky's ideas in this area, which would be laid at the foundation of an emergent moral-religious legal philosophy in Russia: (1) the genetic affinity and inner unity of the basic principles of law and morality; (2) a critique of the legalized demoralization of law; (3) the interpretation of law and state as necessary transitional phases on the way to the social ideal – true brotherhood, or the church; (4) a justification of the relative emancipation of law from morality; and (5) his philosophy of criminal law deriving from the Christian idea of the centrality of the person. Developing P.I. Novgorodcev's thesis that Fyodor Dostoevsky laid «the deepest foundations of the Russian legal philosophy», the article concludes that the writer was the founder of a moral-religious legal-philosophical tradition in Russia, which was inherited by many prominent thinkers such as Vl. Solov'ev, P. Novgorodcev, I. Ilyin, S. Bulgakov, N. Berdyaev, S. Frank, E. Trubeckoy, A. Yashchenko, E. Spektorsky, N. Alekseev, S. Hessen, G. Gurvitch, and P. Sorokin.

Key words: F. Dostoevsky's legal and philosophical ideas, moral and religious legal philosophy, law and morality, state and society, trial by jury, penal system.

В каком характере слагалась в народе религия,
в таком характере зарождались и формулировались
и гражданские формы этого народа.
Ф.М. Достоевский

...Судьба права и государства зависит в первую очередь от того,
в какое отношение человек ставит себя к Богу.
П.И. Новгородцев

В религиозно-нравственном учении Ф.М. Достоевского заповеди христианства получили признание в качестве высшей нормы, из которой «должны черпать свой дух» право и государство [1, с. 374]. С этим связано неустанное стремление писателя выяснить моральное предназначение и духовную оправданность права, которое обозначило основную проблематику его философских идей о праве. Философское осмысление сущности права для него предварено и в каком-то смысле предопределено решением вопроса о его моральной значимости. По пронизательному наблюдению С.Л. Франка, в русской религиозно-философской традиции религиозная этика выступает одновременно как онтология и как социальная философия².

² См.: Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 153 [2].

Вопрос о должном соотношении права и нравственности стал центральной темой в публичной дискуссии Ф.М. Достоевского с юристами А.Д. Градовским и К.Д. Кавелиным, поводом для которой стала знаменитая речь, произнесенная писателем на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г. Анализируя впоследствии эту дискуссию, Вл. Соловьев не вполне адекватно истолковал ее как типичную для славянофильства и западничества в решении вопроса о том, что важнее: «личное нравственное совершенствование» или устройство «общественных форм»? Философ упрекал Ф.М. Достоевского в забвении того, что индивидуальные нравственные принципы должны находить воплощение в социальной реальности³. Однако подлинный смысл дискуссии сводился к другому – проблеме взаимосвязи субъективного и объективного аспектов этики, под которыми участники понимали мораль и право. Главную мысль Ф.М. Достоевского очень точно передал Р. Лаут: «Социальный идеал возникает из нравственного и остается живым до тех пор, пока связан с моралью» [4, с. 168].

В статье «Мечты и действительность» (1880), написанной как возражение на «Пушкинскую речь» писателя, А.Д. Градовский отстаивал тезис о принципиальной разнородности нравственности и права, христианских и гражданских добродетелей⁴. В этом же ключе высказывался К.Д. Кавелин. В «Письме к Ф.М. Достоевскому» он также исходил из разделения внутренней (моральной) и внешней (правовой) сторон этики и отстаивал мысль о том, что они «не имеют между собой ничего общего, и из их смешения может произойти только путаница и хаос»: «Вы думаете, что в самой нравственности заключается уже условие общественных формул или закона? – писал он Ф.М. Достоевскому. – Это большая ошибка» [6, с. 450–451].

Анализируя философско-правовую позицию К.Д. Кавелина, В. Щеглов отмечал, что резкая граница, которую правовед вынужден проводить между правом и нравственностью, объясняется в первую очередь тем, что ему не удалось увидеть связь между субъективными и объективными идеалами человеческой жизни⁵.

В публичном ответе А.Д. Градовскому Ф.М. Достоевский писал о личном и общественном аспектах этики как о двух неразделимых «половинках» одного целого: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственности? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного совершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе все, все стремления, все жажды, а стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. <...> В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и

³ См.: Соловьев В.С. Русский национальный идеал (по поводу статьи Н.Я. Грота в «Вопросах философии и психологии») // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. / вступ. ст. В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 289–291 [3].

⁴ См.: Градовский А.Д. Мечты и действительность (по поводу речи Ф.М. Достоевского) // Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 380 [5].

⁵ См.: Щеглов В. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1888. С. 54–57 [7].

формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что, несомненно, из них только одних и выходят» [8, с. 166].

Таким образом, Ф.М. Достоевский исходит из предположения генетического родства и внутреннего единства основополагающих правовых и нравственных ценностей. Подлинная «гражданская формула» должна, по его мнению, отразить дух любви и заповедь христианского совершенствования. Писатель убежден в том, что «общественных гражданских идеалов, как таких, как не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих самих по себе, <...> которые могут быть взяты извне и пересажены на какое угодно новое место с успехом, в виде отдельного ‘учреждения’ <...> – нет вовсе, не существовало никогда, да и не может существовать!» [8, с. 165].

Лейтмотив обсуждений «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского нашел продолжение в знаменитой полемике, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» (№ IV–V за 1897 г.) между Вл. Соловьёвым и Б.Н. Чичериным⁶. Подобно А.Д. Градовскому и К.Д. Кавелину, Б.Н. Чичерин акцентировал различие принципов христианской морали и права. Развивая идеи Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьёв, напротив, подчеркивал единство личного и общественного аспектов этики, полагая, что единичная (личная) моральная обязанность с необходимостью переходит в собирательную (общественную).

Итак, Ф.М. Достоевский приходит к заключению о том, что требования правопорядка должны находиться в согласии с религиозно-нравственными ценностями общества: *жизнеспособность правовых институтов определяется их связанностью с моральными устоями общества*, отчужденность от которых приводит все правовые преобразования к обратному эффекту, что разрушительно не только для права, но и для нравственности.

* * *

Во многом именно с реформационными преобразованиями 60–70-х гг. XIX века Ф.М. Достоевский, как и многие его современники, связывал свои надежды на нравственное совершенствование правового порядка. В то же время его критика функционирования новых правовых институтов в России отражала глубокие сомнения писателя в их способности служить этой цели. Вместо преодоления пропасти между общественной нравственностью и государственно-правовой системой Великие реформы способствовали лишь обострению противостояния между ними. «Прежний мир, прежний порядок – очень худой, но все же

⁶ См.: Чичерин Б.Н. О началах этики // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. С. 434–500 [9]; Чичерин Б.Н. Несколько слов по поводу ответа г. Соловьёва // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40 (V). С. 772–779 [10]; Соловьёв В.С. Мнимая критика (ответ Б.Н. Чичерину) // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. С. 516–550 [11]; Соловьёв В.С. Необходимые замечания на «несколько слов» Б.Н. Чичерина // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40 (V). С. 779–783 [12].

порядок – отошел безвозвратно, – констатировал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя». – И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка – эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые все же были, почти ничего не осталось» [13, с. 96].

Анализируя судебные процессы в пореформенной России, Ф.М. Достоевский обращается к проблеме легализованной «деморализации» права⁷. По его мнению, действие нового института суда присяжных на русской почве не только не достигает своей цели нравственного улучшения правопорядка, но часто приводит к прямо противоположным результатам. «Трибуны гласных судов», призванные быть нравственной школой для общества и эффективным инструментом защиты прав человека, на деле превращаются в источник «заражения» массового сознания, укоренения цинизма и фальши, извращения чувства справедливости. Ф.М. Достоевский описывает случаи, когда «бесспорно виновный» человек усилиями адвоката выходит «совсем правым» (дела Кроненберга, г-жи Каировой, родителей Джунковских) или, наоборот, когда «мастерство» обвинителя наказывает невиновного (суд над Дмитрием Карамазовым в «Братьях Карамазовых», прообразом которого стал судебный процесс над офицером Дмитрием Ильинским). Писатель говорит об угрозе, которую несут в себе суды, оправдывающие преступления и легализующие безнравственность от лица общества и государства. Они опасны не только тем, что казня невинного и поощряя виноватого, калечат человеческие жизни, но также и тем, что ломают всю ценностную систему общества, прививая участникам и очевидцам вирус нечувствительности к различию между добром и злом. Самое ужасное, полагал Ф.М. Достоевский, что такое посягательство на общественную нравственность «как бы даже узаконено» и считается «вовсе не уклонением, а, напротив, даже самым нормальным порядком...» [14, с. 54].

В суде, как в детской игре, распределены роли адвоката и обвинителя, одержимых желанием во что бы то ни стало выйти победителями в публичном противостоянии, в которое превращен процесс правосудия. Писатель отмечает, что адвокат, как и обвинитель, не могут не играть своей совестью, даже если бы хотели; они «обреченные на бессовестность» люди. С его точки зрения, очень редко находятся те, кто способны вырваться из «тюрьмы закона» (выражение Г. Розеншильда), как адвокат – герой истории, рассказанной писателем, который, убедившись в виновности своего подзащитного, вместо произнесения оправдательной речи поклонился присяжным и сел на место, не проронив ни слова⁸.

В «Дневнике писателя» автор неоднократно подвергает критике «лакейски безличную пересадку» западноевропейских идей и форм на русскую почву

⁷ См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984 (дело Кроненберга (февраль 1876); дело Каировой (май 1876); дело Корниловой (октябрь, декабрь 1876, апрель 1877); дело родителей Джунковских (июль – август 1877), дело Гартунга (октябрь 1877)).

⁸ См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Февраль 1876 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 54 [14].

[8, с. 169]. При этом следует заметить, что острее критики Ф.М. Достоевского направлено не на новый правовой порядок и отдельные правовые институты как таковые. Он вовсе не отвергал значимости политических и правовых преобразований и, несомненно, был сторонником судебной реформы в России. По мнению писателя, скопированная «со счастливой легкостью» система судов присяжных требовала высокого уровня правовой культуры, продуктом которой она сама являлась⁹. Успешное реформирование правовой системы, как писал позднее Вл. Соловьёв, предполагало не «внешнее сближение и перенесение» результатов чужого культурного опыта, но «примирение по существу»: задача состояла «не в том, чтобы *перенять*, а в том, чтобы *понять* чужие формы, опознать и усвоить положительную сущность чужого духа и нравственно соединиться с ним во имя высшей всемирной истины» [16, с. 314].

Причину моральной несостоятельности анализируемых им примеров «правосудия» Ф.М. Достоевский усматривал в отсутствии «просвещенной совести» и «гражданского сознания» русского общества. При этом для него было очевидным то, что просвещенное правовое сознание немислимо без прочного нравственного фундамента. Именно нравственный идеал должен указать правоприменителям, иным участникам процесса и публике верный способ истолкования сути и значения правовой нормы, потому что следование букве закона, «без смысла, без понимания духа его, прямо ведет к беспорядкам, да и никогда к другому не приводило»: «закон не предусмотрит всех тонкостей» [17, с. 117; 18, с. 402]. Аргументация Ф.М. Достоевского во многом сходна с обоснованием моральной обусловленности права сторонников юснатурализма. Предвосхищая доводы Л.Л. Фуллера в его легендарной полемике с Г.Л.А. Хартом, происходившей в середине XX столетия на страницах «Harvard Law Review»¹⁰, Ф.М. Достоевский утверждал, что нормативное ядро правового требования всегда необходимо должно быть связано с основополагающими принципами нравственно должного, признаваемыми в обществе.

Однако философско-правовой замысел Ф.М. Достоевского состоял не только в том, чтобы подчеркнуть взаимозависимость между правом и нравственностью, но также и в том, чтобы провести ясную, насколько это возможно, границу между ними. Анализируя судебные речи, он указывает на необходимость строгого различия между моральной и правовой аргументацией, нравственным и юридическим оправданием¹¹. Умение не смешивать нравственный долг состра-

⁹ Вывод русского писателя полностью совпадал с мнением Герберта Спенсера, который в 1850 г. высказывал сомнения относительно успеха введения суда присяжных в России. См.: Rosenshield G. The Imprisonment of the Law: Dostoevskij and the Kronenberg Case // Slavic and East European Journal. Vol. 36. № 4 (1992). P. 416 [15].

¹⁰ См.: Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 630–672 [19]; Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 599–629 [20].

¹¹ По всей видимости, это различие подразумевает исследовательница творчества Достоевского Т. Касаткина, когда описывает «восстановление в правах» и «восстановление в обязанностях» по Ф.М. Достоевскому [21].

дания к подсудимому и гражданский долг верности праву, а также интуитивно чувствовать уместность следования первому и второму писатель считал показателем развитого нравственного и правового сознания. Без них правовая система едва ли может успешно функционировать. Он справедливо отмечал, что оправдание с точки зрения действующего правопорядка отнюдь не означает в то же время и моральное оправдание лица. Решение суда о невозможности или неуместности назначения подсудимому государственно-правового наказания отнюдь не исключает, а, напротив, очень часто предполагает его нравственное осуждение обществом и моральное самоосуждение.

Весьма показателен в этом смысле отзыв Ф.М. Достоевского о судебном процессе Веры Засулич. С его точки зрения, оправдательный приговор суда следовало бы сформулировать следующим образом: «иди, но не поступай так в другой раз. Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, – добавлял Ф.М. Достоевский, – а чего доброго, ее теперь возведут в героини» [22, с. 233]. По всей видимости, писатель имел в виду то, что «формула», согласно которой суд государства, вынесший оправдательный вердикт, должен был уступить полномочия нравственному суду общества, возможна лишь при одновременном осуществлении двух условий: во-первых, при наличии развитого общественного правосознания, обладающего стойким иммунитетом по отношению к манипуляциям участников процесса, осуществляемых со ссылкой на нравственность; во-вторых, при наличии просвещенного морального сознания, способного распознавать фальшь в аргументации, приводимой якобы во имя торжества права, однако злоупотребляющей им.

Сама идея различения морального и правового, предполагающая торжество правосудия в стенах суда и христианской Любви за его пределами, имеет глубоко нравственное значение. Ф.М. Достоевский подвергает критике «манию оправдания», смешивающую моральное и правовое оправдание, которой, с его точки зрения, страдает суд присяжных в Российской Империи. Он напоминает, что предназначение суда заключается в первую очередь в том, чтобы «сказать правду и зло назвать злом», взяв на себя бремя моральной и правовой ответственности за принятое решение. Присяжный заседатель – это «не только чувствительный человек с нежным сердцем, но прежде всего гражданин», который должен понимать, что «исполнение долга гражданского ... выше частного сердечного подвига» [13, с. 14].

Ф.М. Достоевский пишет: «Никогда народ, называя преступника «несчастливым», не переставал его считать за преступника! И не было бы у нас сильнее беды, как если бы сам народ согласился с преступником и ответил ему: «Нет, не виновен, ибо нет и “преступления”!» [13, с. 18].

Чрезмерная жалостливость и забвение гражданского долга одновременно противоправны и аморальны, потому что расшатывают «веру в закон и в народную правду». Подлинное сострадание к преступнику состоит, по мысли Ф.М. Достоевского, в правом суде над ним.

* * *

Важные интуиции о нравственном предназначении права мы обнаруживаем в размышлениях Ф.М. Достоевского о психологии преступления и пенитен-

циарной системе в Российской Империи. Его произведения заложили важнейшие основы современной философии уголовного права.

Писатель трактует преступление как нарушение религиозной нравственности, «переступление» через закон Христов, которое является тяжким грехом. Совершая преступление, преступник посягает на образ Божий в себе: заповедь «не убий» интерпретируется Ф.М. Достоевским как «не убий в себе и в другом Бога». Он сформулировал теорию о душевной болезни преступников, согласно которой преступления совершаются в состоянии одержимости, беснования – уже более не вполне человеческого состояния субъекта. Писатель глубоко убежден в том, что любое преступление есть «несомненный урон» в первую очередь для самого преступника. «Недаром же весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными» [17, с. 46].

Изучая систему наказаний в Российской Империи, Ф.М. Достоевский приходит к мнению о том, что она не достигает своих целей. Вместо восстановления справедливости, исправления осужденных и предупреждения новых преступлений происходит обратное: «<...> Знаменитая келейная система достигает только ложной, обманчивой, наружной цели. Она высасывает жизненный сок из человека, энервирует его душу, ослабляет ее, пугает ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния» [17, с. 15].

Такое «исправление» физически и морально убивает человека, «который чахнет, тает как свечка», или превращает его в орудие мщения всему человечеству. Забрав свободу, сломив волю, ничем не выразив сострадания по отношению к человеку, оно не исправляет, а уродует душу преступника, озлобляет ее и делает равнодушной к любым страданиям. Большинство претерпевающих наказание внутренне считают себя правыми и, не испытав угрызений совести, ни капли не изменившись, отбыв наказание, считают себя очищенными, сквитавшимися. Таким образом, вместо предупреждения преступлений, пенитенциарная система чаще всего вскармливает новую преступную силу. Преступник «возвращается в общество нередко с такою ненавистью, что самое общество как бы уже само отлучает от себя». Подобные наказания «никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает...» [23, с. 59].

Эффективная система наказаний должна, с точки зрения Ф.М. Достоевского, быть проникнута идеей христианского персонцентризма, по выражению К.Н. Леонтьева «Христа за ближним провидящего» [24, с. 52]. Системе наказаний, по мысли писателя, следовало бы руководствоваться следующими принципами:

1. Презумпция Любви к ближнему как восполнение презумпции невиновности. Ф.М. Достоевский доносит до нас эту мысль устами старца Зосимы: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле» [23, с. 289].

2. Нравственная задача наказания – «воротить из отлучения и опять приобщить» преступника к обществу: «<...> Мне ли, ничтожному, напоминать вам, что русский суд есть не кара только, но и спасение человека погибшего» [25, с. 173]. Эта идея легла в основу обоснованного Вл. Соловьёвым права преступника «на вразумление и исправление» [26, с. 380; 27, с. 114].

3. Убежденность в способности преступника к перерождению и искуплению им содеянного: «человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий» [17, с. 91], «ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь настоящим» [18, с. 628]. Смертная казнь противна христианской нравственности, поскольку в ее основе лежит отрицание способности человека к возрождению.

4. Право преступника на наказание, корреспондирующее обязанности общества способствовать его исправлению. Осознание вины и принятие преступником ответственности за совершенное являются, по Ф.М. Достоевскому, необходимыми условиями его исправления. В «Дневнике писателя» неоднократно проводится эта мысль: «Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но все-таки я осмелюсь высказать. Прямо скажу: строгим наказанием, острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них. Облегчили бы их, а не отяготили. Самоочищение страданием легче, – легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием их на суде» [13, с. 19].

5. Зависимость меры наказания от фактического изменения отношения преступника к содеянному. В «Записках из мертвого дома» – исповеди о перенесенном в годы каторги – Ф.М. Достоевский впервые высказал мысль о том, что попытка одинаково наказать людей с разным внутренним отношением к совершенному ими несправедлива и негуманна. Суд государства, по его мнению, должен быть чувствителен к тому, насколько человек уже наказан судом собственной совести¹². Без деятельного покаяния осужденного наказание государства не достигает своей цели. Писатель рассказывает о преступниках, которые нарочно совершают преступления, чтобы оказаться на каторге и тем самым избавиться от несравненно более тяжелой для них жизни на воле. Для них наказание не влечет никакого раскаяния, они и не подумают вовсе о совершенном ими преступлении. Писатель также описывает случаи, когда самоосуждение преступника делает наказание государства излишним: «Одна боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний, убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона» [17, с. 43]. К тому же, добавляет Ф.М. Достоевский, «есть преступления..., которые не подлежат земному суду. Единый суд – моя совесть, то есть судящий во мне Бог, а это совсем уже другое» [18, с. 402].

6. Солидарная моральная ответственность общества за совершаемые преступления. Необходимо отметить, что Ф.М. Достоевский различал два вида ответственности: во-первых, индивидуальную моральную и правовую ответственность человека и, во-вторых, солидарную нравственную ответственность всего общества. Идея солидарной нравственной ответственности балансирует между двумя важными положениями этики Ф.М. Достоевского.

¹² Ф.М. Достоевский приводит примеры, когда суд собственной совести оказывается беспощаднее государственного суда, полагая, что самонаказание необходимо человеку более, чем наказание государства (эта мысль звучит в «Записках из мертвого дома», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых»).

С одной стороны, он отвергает «философию среды», согласно которой человек полностью предопределен условиями своего окружения и не несет ответственности за содеянное. В своих произведениях Ф.М. Достоевский доказывает, что человек – моральный и правовой субъект, обладающий свободой воли, а не «штифтик» или «фортепианная клавиша»: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [13, с. 16].

С другой стороны, писатель напоминает о том, что груз моральной ответственности за социальную реальность лежит на всех тех, кто участвует в ее конструировании: «...воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват» [23, с. 262]. «Помни особенно, что не можешь ничьим судьейю быть. Ибо не может быть на земле судьи преступника, прежде чем сам судья не познает, что он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех виноват» [23, с. 291].

Без воплощения вышеперечисленных принципов наказания невозможно, по мнению Ф.М. Достоевского, должное отношение к человеку преступившему, которое может способствовать его возрождению и возвращению в общество.

* * *

Воплощение принципов справедливого правосудия и наказания Ф.М. Достоевский, несомненно, связывал со своими замыслами о перерождении государства в церковь как свободный союз верующих, а государственного суда в общественно-церковный суд, руководствующийся заповедями христианства: «преступление и взгляд на него должны бы были несомненно тогда измениться...» [23, С. 59]. «Если бы общество обратилось в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но может быть и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю... И церковь понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего... Сие буди, буди!» [23, С. 59].

Ф.М. Достоевский глубоко верил в неперемное перерождение каждого человека и всего общества. При этом речь идет не о теократии, как политическом союзе (государстве-церкви), и не о суде инквизиции, силой принуждающем к следованию нормам христианской нравственности. В своих произведениях Ф.М. Достоевский дает понять, что переход к совершенному обществу государственно-правовыми средствами невозможен. Свободное внутреннее преображение людей и осознание ими солидарной ответственности друг за друга – единственный путь к социальному идеалу. Он лежит через опыт деятельной Любви.

Ф.М. Достоевский отвергает намерения насаждать нравственность юридическими методами, подвергая строгой критике проекты насильственной морализации права. Правовой порядок – это крайне важная мысль – требует опреде-

ленной моральной автономии, поскольку призван гарантировать свободу морального выбора субъекта, которая является непременным условием нравственности. Только в уважении свободы морального решения, полагал писатель, проявляется подлинная любовь к человеку. Как верно определил в своем исследовании Н.А. Бердяев, для Ф.М. Достоевского «без свободы греха и зла, без испытания свободы мировая гармония не может быть принята. Он восстает против всякой принудительной гармонии...» [28]. В «Записных тетрадах 1875–1876 гг.» Ф.М. Достоевский так писал об этом: «Я хочу не такого общества научного, где я не мог бы делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам» [29, с. 286]. Приговор теократии вынесен писателем в «Легенде о Великом инквизиторе», где показаны последствия принудительного «освобождения» людей от необходимости морального выбора и груза ответственности за него. Нельзя не восхититься тем, с какой ясностью писатель XIX столетия мог предвидеть тоталитарные режимы XX века¹³.

В русле религиозно-нравственной традиции в философии права право и государство рассматриваются Ф.М. Достоевским лишь как необходимая переходная стадия на пути к идеалу – подлинному братству или церкви¹⁴. И право и государство сами по себе не способны, по мнению писателя, стать побудительной причиной духовного перерождения человечества. В определенном смысле, они несут печать моральной неполноценности и являются своеобразным симптомом нравственного несовершенства общества. В «Сне смешного человека» автор размышляет о мнимом единении людей в государстве, противопоставляя его объединению на основе веры и любви в совершенном обществе – «граде Небесном». Только тогда, говорит писатель, когда люди перестали любить друг друга, «стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину» [33, с. 116].

Означает ли признание Ф.М. Достоевским несостоятельности права и государства выступать социальными скрепами в идеальном обществе то, что он вовсе отрицает этическое значение государственного правопорядка в современной ему действительности и настаивает на поглощении права нравственностью? Рассуждения писателя о способах улучшения судебной и пенитенциарной системы в пореформенной России свидетельствуют об обратном. Очевидна борьба Ф.М. Достоевского не только за нравственное начало, но и за правовое. В его ра-

¹³ См. об этом: Пачини Дж. О философии Достоевского: эссе. М.: Прометей, 1992. С. 41 [30]; Солженицын А.И. Нобелевская лекция по литературе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/solzhenitsyn_nobelevka.pdf [31]; Шпис Ю. Достоевский – пророк 20-го века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/39.htm [32][0].

¹⁴ Значение права и государства для воплощения социального идеала наиболее точно передает П.И. Новгородцев, излагая основы русской философии права. См.: Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 373–375 [1]. Следует также отметить, что эти положения в полной мере соответствуют собственным взглядам П.И. Новгородцева в заключительный период его творчества.

ботах речь идет не о поглощении права моралью, но о приведении государственного-правового порядка в соответствие с нравственными стандартами общества.

Как и у других сторонников религиозно-нравственного направления в русской философии права, мы не найдем в работах Ф.М. Достоевского апологии права и государства. По выражению П.И. Новгородцева, «русский дух выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, чем право и государство» [1, с. 368]. Однако важным заветом философско-правового творчества Ф.М. Достоевского стало не нигилистическое отрицание права (как у поздних славянофилов и Л.Н. Толстого), а стремление указать на его относительную значимость, а равно «связать», «укрепить» его моральными основаниями.

Важной составляющей борьбы Ф.М. Достоевского за право стало обоснование им, как это уже было отмечено, относительной эмансипации права от нравственности, которое нашло выражение в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, в обосновании необходимости различения между моральным и юридическим оправданием; и во-вторых, в определении задачи правового порядка гарантировать свободу морального выбора личности. Признание относительной моральной автономии права – это, пожалуй, наиболее значительный вклад мыслителя в русскую философию права. Этот тезис стал исходной идеей движения «в защиту права» в конце XIX – начале XX столетия, вдохновив таких выдающихся философов права, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский, Л.И. Петражицкий, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, К.А. Кузнецов, С.И. Гессен.

В суждении о том, что возможности права воплотить этические ценности весьма ограничены, берет свой исток учение о праве как «минимуме Добра», согласно которому право призвано гарантировать защиту лишь жизненно важным нравственным устоям общества (Вл. Соловьев, А.С. Яценко, Ф.В. Тарановский, С.И. Гессен, М. Лазерсон). Воззрение, согласно которому право должно защитить свободу морального выбора субъектов, получило свое развитие также и в положении о том, что правовой порядок должен обеспечивать субъекту свободу в определенных границах быть безнравственным (Вл. Соловьев, И.В. Михайловский, И.А. Ильин, С.Л. Франк).

Когда-то С.И. Гессен пронизательно заметил, что именно отрицание права является «симптомом и мерилем утопичности» философско-правового учения [34, с. 624, 659]. Предложенный им критерий позволяет точнее охарактеризовать подход Ф.М. Достоевского к осмыслению права. Если его взгляды и можно назвать утопическими, то это связано вовсе не с отрицанием им значения и ценности права и государства, но с безграничной верой писателя в их непреходящее нравственное совершенствование. В этом смысле его философские идеи о праве были не более утопичны, чем любое другое христианское учение, исповедующее веру в непреходящее преобразование человека, который в беспредельности своих моральных сил подобен Богу. Сам писатель дал следующую характеристику своим убеждениям: «...великое дело Любви и настоящего просвещения. Вот моя утопия!» [35, с. 195].

* * *

В заключение необходимо указать на основные идеи Ф.М. Достоевского, которые стали судьбоносными для религиозно-нравственной традиции в

России, обогатив, помимо этого, и сокровищницу мировой философско-правовой мысли:

1) утверждение генетического родства и внутреннего единства основополагающих принципов права и нравственности и, как следствие, требование того, чтобы нормы правопорядка были приведены в согласие с религиозно-нравственными ценностями общества;

2) критика легализованной деморализации права: указание на то, что жизнеспособность правовых институтов и успешность правовых реформ определяются их связанностью с нравственными устоями общества, отчужденность от которых способна привести правовые преобразования к обратному результату, разрушительному не только для права, но и для нравственности;

3) рассмотрение права и государства в качестве необходимой переходной стадии на пути к социальному идеалу – подлинному братству или церкви. При этом переход к совершенному обществу невозможен государственно-правовыми средствами (критика теократии и насильственной морализации правового порядка), но должен осуществляться благодаря свободному внутреннему преобразованию людей и осознанию ими солидарной ответственности друг за друга;

4) обоснование относительной эмансипации права от нравственности: а) необходимость различения между христианским долгом сострадания и гражданским долгом верности праву, являющимся индикатором просвещенного нравственного и правового сознания; б) определение задачи права гарантировать свободу морального выбора личности, которая является непременным условием подлинной нравственности;

5) формулирование основоположений философии уголовного права, проникнутых идеей христианского персонцентризма: а) презумпция Любви к ближнему как восполнение презумпции невиновности; б) нравственная задача наказания – «воротить из отлучения и опять приобщить» преступника к обществу; в) убежденность в способности преступника к перерождению (одним из следствий которой является запрет смертной казни); г) право преступника на наказание, корреспондирующее обязанности общества способствовать его исправлению; д) зависимость меры наказания от фактического отношения преступника к содеянному; е) солидарная моральная ответственность общества за совершаемые в нем преступления.

Таким образом, нельзя не согласиться с П.И. Новгородцевым в том, что идеи, высказанные Ф.М. Достоевским, могут быть рассмотрены в качестве постулатов религиозно-нравственной традиции в русской философии права, унаследованной плеядой таких выдающихся философов и правоведов конца XIX – начала XX в., как Вл. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой, А.С. Яценко, Е.В. Спекторский, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин. Все они не только были вдохновлены мыслью великого писателя, но восприняли и развивали его подход и аргументацию в обосновании моральной обусловленности права. Таким образом, будучи оригинальным философом права, Ф.М. Достоевский выступил одной из главных фигур, благодаря которым «Серебряный век» в России стал «Золотым веком» для русской философии права.

Список литературы

1. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 367–387.
2. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 149–160.
3. Соловьёв В.С. Русский национальный идеал (по поводу статьи Н.Я. Грота в «Вопросах философии и психологии») // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. / вступ. ст. В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 286–295.
4. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А.В. Гульги; пер. с нем. И.С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 447 с.
5. Градовский А.Д. Мечты и действительность (по поводу речи Ф.М. Достоевского) // Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 375–383.
6. Кавелин К.Д. Письмо Ф.М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. № 11 (ноябрь). С. 431–456.
7. Щеглов В. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1888. 129 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1880 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–174.
9. Чичерин Б.Н. О началах этики // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. С. 434–500.
10. Чичерин Б.Н. Несколько слов по поводу ответа г. Соловьёва // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40 (V). С. 772–779.
11. Соловьёв В.С. Мнимая критика (ответ Б.Н. Чичерину) // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. С. 516–550.
12. Соловьёв В.С. Необходимые замечания на «несколько слов» Б.Н. Чичерина // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40 (V). С. 779–783.
13. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 5–136.
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Февраль 1876 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 5–135.
15. Rosenshield G. The Imprisonment of the Law: Dostoevskij and the Kronenberg Case // Slavic and East European Journal. Vol. 36. № 4 (1992). P. 415–434.
16. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гульги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 290–323.
17. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972. 323 с.
18. Неизданный Достоевский. М.: Наука, 1971. 728 с.
19. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 630–672.
20. Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 599–629.
21. Касаткина Т. «Возрождение личности» в творчестве Ф.М. Достоевского: «Восстановление в правах» и «восстановление в обязанностях» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.sfi.ru/lib.asp?gubr_id=755&art_id=4000.
22. Градовский Г.К. Роковое пятилетие. 1878–1882 гг. // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 269–274.
23. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 507 с.

24. Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / сост. Ю.И. Селиверстов. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 45–56.
25. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. 620 с.
26. Соловьев В.С. Оправдание Добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseva и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–580.
27. Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 192 с.
28. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn008.htm>.
29. Достоевский Ф.М. Возвращение человека. М.: Сов. Россия, 1989. 560 с.
30. Пачини Дж. О философии Достоевского: эссе. М.: Прометей, 1992. 77 с.
31. Солженицын А.И. Нобелевская лекция по литературе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/solzhenitsyn_nobelevkapdf.
32. Шпис Ю. Достоевский – пророк 20-го века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/39.htm.
33. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 104–118.
34. Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // Гессен С.И. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 609–677.
35. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1982. 514 с.

References

1. Novgorodtsev, P.I. O svoeobraznykh elementakh russkoy filosofii prava [On the Particular Features of Russian Legal Philosophy], in Novgorodtsev, P.I. *Sochineniya* [Works], Moscow: Raritet, 1995, pp. 367–387.
2. Frank, S.L. Sushchnost' i vedushchie motivy russkoy filosofii [The Essence and Principal Themes of Russian Philosophy], in *Russkoe mirovozzrenie* [The Russian Worldview], Saint-Petersburg: Nauka, 1996, pp. 149–160.
3. Solov'ev, V.S. Russkiy natsional'nyy ideal (po povodu stat'i N. Ya. Grota v «Voprosakh filosofii i psikhologii») [The Russian National Ideal (On N.Y. Grot's Article in «Voprosy filosofii»)], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Pravda, 1989, pp. 286–295.
4. Lauth, R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [A Systematic Exposition of Dostoevsky's Philosophy], Moscow: Respublika, 1996, 447 p.
5. Gradovsky, A.D. Mechty i deystvitel'nost' (po povodu rechi F.M. Dostoevskogo) [Dreams and Reality (On F.M. Dostoevsky's Speech)], in *Sobranie sochineniy, t. 6* [Collected Works, vol. 6], Saint-Petersburg, 1901, pp. 375–383.
6. Kavelin, K.D. Pis'mo F.M. Dostoevskomu [Letter to F.M. Dostoevsky], in *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 11 (November), pp. 431–456.
7. Shcheglov, V. *Nravstvennost' i pravo v ikh vzaimnykh otnosheniyakh* [Morality and Law in their Correlation], Yaroslavl': Tipo-litografiya G. Fal'k, 1888, 129 p.
8. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya 1880 god [Diary of a Writer. 1880], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 26* [Collected Works in 30 vol., vol. 26], Leningrad: Nauka, 1984, pp. 129–174.
9. Chicherin, B.N. O nachalakh etiki [On the Foundations of Ethics], in Chicherin, B.N. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbGU, 1998, pp. 434–500.
10. Chicherin, B.N. Neskol'ko slov po povodu otveta g. Solov'eva [Several Words Concerning the Response of Mr. Solovyov], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897, vol. 40 (V), pp. 772–779.

11. Solov'ev, V.S. Mnimaya kritika (Otvét B.N. Chicherinu) [A Sham Critique (A Reply to B.N. Chicherin)], in Chicherin, B.N. *Izbrannyye trudy* [Selected Works], Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbGU, 1998, pp. 516–550.
12. Solov'ev, V.S. Neobkhodimye zamechaniya na «neskol'ko slov» B.N. Chicherina [Necessary Remarks on «Several Words» by B.N. Chicherin], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897, vol. 40 (V), pp. 779–783.
13. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya 1873 god [Diary of a Writer: 1873], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 21* [Collected Works in 30 vol., vol. 21], Leningrad: Nauka, 1980, pp. 5–136.
14. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya 1876 god [Diary of a Writer: 1876], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 22* [Collected Works in 30 vol., vol. 22], Leningrad: Nauka, 1981, pp. 5–135.
15. Rosenshield, G. The Imprisonment of the Law: Dostoevskiy and the Kronenberg Case, in *Slavic and East European Journal*, vol. 36, no. 4 (1992), pp. 415–434.
16. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three Speeches in Memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1988, pp. 290–323.
17. Dostoevskiy, F.M. Zapiski iz mertvogo doma [Notes from the House of the Dead], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 4* [Collected Works in 30 vol., vol. 4], Leningrad: Nauka, 1972, 323 p.
18. Neizdannyy Dostoevskiy [The Unpublished Dostoevsky], Moscow: Nauka, 1971, 728 p.
19. Fuller, L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart, in *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71, pp. 430–672.
20. Hart, H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals, in *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71, pp. 599–629.
21. Kasatkina, T. «Vozrozhdenie lichnosti» v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: «Vosstanovlenie v pravakh» i «vosstanovlenie v obyazannostyakh» [«The Revival of Personality» in F.M. Dostoevsky's Work: «Restoration of Rights» and «Restoration of Duties»]. Available at: http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=755&art_id=4000.
22. Gradovskiy, G.K. Rokovoe pyatiletie. 1878–1882 gg. [The Fatal Five Years. 1878–1882], in F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov, v 2 t., t. 2 [F.M. Dostoevsky as Recalled by His Contemporaries, in 2 vol., vol. 2], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990, p. 269–274.
23. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Collected Works in 30 vol., vol. 14], Leningrad: Nauka, 1976, 507 p.
24. Leont'ev, K.N. O vseмирной lyubvi. Rech' F.M. Dostoevskogo na Pushkinskom prazdnike [On Universal Love. Dostoevsky's Speech at the Celebration of Pushkin], in *O velikom inkvizitore: Dostoevskiy i posleduyushchie* [On the Grand Inquisitor: Dostoevsky and his Successors], Moscow: Molodaya gvardiya, 1992, p. 45–56.
25. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 15* [Collected Works in 30 vol., vol. 15], Leningrad: Nauka, 1976, 620 p.
26. Solov'ev, V.S. Opravdanie Dobra [The Justification of the Good], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1], Moscow: Mysl', 1988, p. 47–580.
27. Solov'ev, V.S. *Pravo i npravstvennost'* [Law and Morality], Minsk: Harvest; Moscow: ACT, 2001, 192 p.
28. Berdyaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Available at: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn008.htm>.
29. Dostoevskiy, F.M. *Vozvrashchenie cheloveka* [The Return of the Person], Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989, 560 p.
30. Pachini Dzh. *O filosofii Dostoevskogo: esse* [On Dostoevsky's Philosophy: An Essay], Moscow: Prometey, 1992, 77 p.
31. Solzhenitsyn A.I. *Nobelevskaya leksiya po literature* [Nobel Prize for Literature Speech]. Available at: http://imwerden.de/pdf/solzhenitsyn_nobelevk.pdf.
32. Shpis, Yu. *Dostoevskiy – prorok 20-go veka* [Dostoevsky as Prophet of the 20th Century]. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/39.htm.

33. Dostoevskiy, F.M. Son smeshnogo cheloveka [The Dream of a Ridiculous Man], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 25* [Collected Works in 30 vol., vol. 25], Leningrad: Nauka, 1983, pp. 104–118.

34. Gessen, S.I. Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovovzrenii F.M. Dostoevskogo i Vl. Solov'eva [The Struggle between Utopia and the Autonomy of the Good in the Worldviews of F.M. Dostoevsky and Vl. Solovyov], in Gessen, S.I. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 609–677.

35. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya 1876 god [Diary of a Writer. 1876], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 24* [Collected Works in 30 vol., vol. 24], Leningrad: Nauka, 1982, 514 p.